

*Для Ники,
моего любимого сына,
который уже сейчас
пишет потрясающие истории*

Как же громко кричат мои сны о тебе.
Отдалиться хотели мы друг от друга.
Но наперекор моей бедной судьбе
Одиночество страшное гложет мне душу.
Нет надежды, что могла бы вздымать паруса.
Лишь далекая белая тихая горечь.
Подавленная ею воля моя
Запыхавшись, бьется в безмолвную полночь.

Райнер Мария Рильке, 1875–1926

Пролог

Ветер обдувал дом снаружи. Он метался и бился о ставни, словно с силой пытаюсь ворваться в дом. Его свист был похож на крики птиц. Шторм в начале лета редко бывал таким сильным.

Гонг в напольных часах зазвенел в моей голове, и, казалось, не собирался утихать. Я сидела на диване, словно оглушенная, и уставилась на крошки, лежавшие на полу. От печенок, подумала я. Ханна и Эмбер, должно быть, ели их здесь, хоть Бри и запрещала им это делать в гостиной.

Я пыталась сдвинуться с места, чтобы очнуться от происходящего кошмара, не отпускавшего меня. Однако я не могла двигаться. Казалось, будто я примерзла к месту. Мои конечности онемели и не слушались меня.

— Выпей это, Эмма.

Голос Бри пробился ко мне сквозь туман и шум в моей голове. Бесконечно медленно ее слова собирались там в одно предложение. В поле моего зрения появилась темно-синяя кружка с маленькими, немного кривыми цветочками, которую разрисовала моя кузина Ханна и подарила мне на Рождество. Я сделала глоток из дымящейся чашки. Напиток был горячим, а на вкус отдавал какао и слишком большим количеством виски.

Я вздрогнула, пытаюсь вспомнить все, что произошло. Случилось нечто ужасное, это было понятно. Я только уже не понимала, что именно.

Мне было тяжело собрать мысли в кучу. Я то и дело уплывала куда-то далеко. У меня на коленях лежал шерстяной плед, а вокруг плеч кто-то обернул теплый пуловер. И все же холод постепенно пробирался в мое тело. Он сдавил мне сердце и протиснулся в каждый его уголок. Я сильнее обхватила чашку рукой и закрыла глаза.

Что произошло на улице? Я собирала воедино обломки воспоминаний. Я была на скале. Софи помогла мне встать с земли. Должно быть, я упала в обморок, иначе я никак не могу объяснить этот провал в памяти.

Комната странно качалась, когда я открыла глаза и подняла взгляд. Я пыталась удержать равновесие и вцепилась пальцами в кофту Софи, сидевшей рядом со мной. Она взяла меня за руку и крепко ее сжала. Меня успокоил этот жест, и я стала меньше качаться, хоть и не прекратила.

— Я думаю, у нее шок, пап, — услышала я голос Амели. — Что нам делать? Эмма все еще дрожит.

Я дрожала?

Я дрожала. Кружка болталась у меня в руках. В поисках помощи я посмотрела на Амели.

— Где Коллам? — спросила я, и даже мой голос показался мне каким-то чужим.

Вместо ответа я получила лишь испуганные лица. Я наконец-то вспомнила каждую мелочь этого вечера: сначала его улыбку, потом поцелуи, а затем наше прощание. Я свернулась калачиком,

словно кто-то ударил меня в живот. Задыхаясь, я глотала воздух ртом.

Я потеряла его. Он ушел, а меня оставил одну. Его последний взгляд обжигал мое сердце.

— Мы в точности не знаем, что произошло, Эмма, — нарушил тишину Итан. Он откашлялся и замолчал. Неужели ему больше нечего сказать?

Он разве не понимал, что то, что он говорил, ни капли меня не утешит?

— Элин убил Ареса, — прошептала я, чтобы перестать бояться произошедшего ужаса. — Он пощадил Коллама или и его тоже убил?

Я надеялась, что хоть у кого-то будет ответ, способный рассеять мои страхи. Бри всхлипнула и забрала у меня из рук уже пустую чашку. Она встала и покинула комнату вместе с Софи.

— Ты должна попытаться забыть все это. Забыть Коллама. Он не вернется. Так будет лучше для тебя, — сказал доктор Эриксон.

До этого момента я его не замечала. Он стоял, прислонившись к камину, и выглядел странно равнодушным.

О чем он вообще говорил? Забыть Коллама?

Он стал всей моей жизнью, когда я приехала в Шотландию к дяде после смерти матери. И только благодаря ему я начала чувствовать себя здесь как дома. Он заполнил дыру, которую оставила в сердце смерть мамы. Как я могу забыть его? Даже думать об этом было невыносимо.

Я покачала головой и встала. На все еще подкашивающихся ногах я убежала в свою комнату. Никто не пошел за мной, и я была благодарна за это.

Глава 1

Горы облаков тянулись по небу и закрывали луну, которая изо всех сил пыталась осветить тьму ночи. Шорох леса заглушал все остальные звуки. Ветер пробивался сквозь вершины высоких деревьев. По внутреннему двору замка сновали завернутые в черные плащи фигуры. В темноте их едва можно было разглядеть: только шепот выдавал их присутствие. Тяжелая дубовая дверь скрипнула на древних петлях, и тени посетителей заскользили туда-сюда по каменным стенам.

Дверь закрылась, и процессия двинулась в путь. Толпа стекалась под секретные своды замка. Никто не осмеливался заговорить. Наконец-то перед путниками открылся гигантский зал. Свет факела отбрасывал на стены дрожащие тени. Комната была похожа на римский амфитеатр. Потолок опирался на многометровые колонны, а лавочки для гостей были украшены красными бархатными подушками и расположены полукругом. Посланники, тихо бормоча, зашли в помещение и поспешили к своим местам. Их лица были едва различимы в дорожных мантиях. И лишь когда они опустили капюшоны, стало ясно, что все они были представителями разных народов. После этого заседания они снова отправятся в путь. Им надо будет проинформировать свои народы о результатах собрания. Времени

организовать эту встречу как следует попросту не было. Никто не знал, что Элин в этот день решится так грубо продемонстрировать свою власть.казалось, будто он заранее спланировал это преступление. Поэтому откладывать обсуждение этого дела на еще более поздний срок было нельзя. На лицах всех присутствующих отобразилось беспокойство. Преступление, из-за которого все собрались в этом зале сегодня ночью, было просто жутким, и никто не осмеливался даже представить себе, что это значило для их мира. Неужели все начнется сначала, а выстроенная с таким трудом система существования рухнет в один миг? Каждый знал, что война между народами будет губительна для всех.

Майрон и Мерлин вошли в зал, и шепот прекратился. Они сели за каменный стол, расположившийся на возвышении и украшенный серебристыми свечками. Позади стола находилась единственная прямая стена в комнате, на которой кроваво-красными буквами был написан девиз: «Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби». Рядом с верховным лордом вампиров Майроном и Мерлином, старейшиной волшебников, сидели главы кланов оборотней, фавнов и эльфов. Эти пятеро будут вести совещание, как и положено по закону. С тех пор, как народы объединились после Великих войн, представитель одного из народов возглавляет ежегодное собрание Совета. В следующем году его будет вести уже избранник другого народа. Их последовательность точно определена, чтобы избежать разногласий.

Нарушение порядка, которое будет рассмотрено сегодня, требовало присутствия глав всех шести народов: они все должны участвовать в Совете и вынести общий приговор. К сожалению, на собрание не пришел ни один шелликот. Поэтому народ, о судьбе которого шла речь, не будет иметь своего голоса в Большом Совете.

Доктор Эриксон, посвященный острова Скай, рассказал Совету о преступлении Элина. Народы пытались выйти на контакт с шелликотами, но никому это не удалось.

Бэннок, предводитель оборотней, постучал по столу молотком. В зале воцарилась тишина.

— Произошло неслыханное. Сегодня был нарушен важнейший из наших законов. Элин, сын Ареса, осмелился пойти против нашего приговора. Большинство из вас присутствовало здесь вчера, когда мы решили наказать Элина за его деяния. Убийство человека запрещается нашими правилами. Но Элин ослушался и сбежал. Такого не происходило еще со времен Великих войн. Мы не можем игнорировать факт того, что член нашего общества уклоняется от приговора Большого Совета.

Майрон взял слово, как только Бэннок сел на свое место.

— После побега Элин убил Ареса, своего отца и короля шелликотов. Он угрожал людям уничтожить Портри, столицу острова Скай. Лишь самоотверженный прыжок Коллама в воду предотвратил эту катастрофу. Если бы он не прыгнул, Элин бы, возможно, осуществил свои угрозы.

Вампир сел на место, и жуткая тишина стала лишь более пугающей. Бэннок продолжил речь Майрона:

— Нам нужно решить, что делать дальше. Мы не можем оставить преступление Элина безнаказанным. Если мы позволим хоть кому-то нарушать наш порядок, волшебный мир погрузится в хаос. Поэтому мы требуем исключить шелликотов из союза.

По комнате прошло согласное бормотание. Кое-где были слышны возмущенные голоса.

Мерлин взял слово.

— Уважаемый Бэннок, уважаемые присутствующие, — зазвучал его глубокий голос. — То, что говорит Бэннок, — правда, наши порядки действительно были жесточайшим образом нарушены. Однако мы не должны забывать о том, что речь идет о преступлении индивида. У Элина в рядах его соплеменников наверняка есть последователи, но мы знаем, что многие шелликоты осуждают его действия. В прошлом мы всегда организовывали процесс так, чтобы у обвиняемого была возможность защитить себя. Мы имеем право решать судьбу целого народа, пока его посланники не способны представить общую точку зрения в суде.

— Они не прибыли по приглашению, — раздался чей-то голос в толпе. — Совет Старейшин давно мог прислать делегацию.

Голос принадлежал бледному и очень молодому вампиру, который встал с места и посмотрел на всех с готовым к бою видом.

Майрон бросил на него взгляд.

— Сядь на место, Балин, — прогремел его голос по залу. — Если тебе хочется высказаться, подожди, пока тебя спросят.

— Но он прав, — вмешался Бэннок, ухмыляясь Майрону. — Шелликоты могли защитить себя. Однако этим правом они не воспользовались. Мы можем вынести приговор и им придется подчиниться.

— Эльфы не согласятся с приговором, по которому обвиняемые даже высказаться не могут. Пока мы не знаем, что произошло после убийства Ареса и прыжка Коллама, мы не можем судить шелликотов. Мы не имеем права вешать на них коллективную ответственность и наказывать весь народ за деяния индивидуума.

Женщина, которой принадлежал голос, встала из-за каменного стола. Это была Элизьен, королева эльфов. Рыжие волосы доходили ей до колен. Ее лицо сияло цветом слоновой кости в свете тусклой свечи, а юная девичья красота не смущала никого из присутствующих. Ее слово было не менее весомым, чем слова любых других глав народов. Эльфы были самым многочисленным народом, но также и самым миролюбивым. Они никогда не пойдут на войну с шелликотами.

— Шелликоты подвергли опасности всех нас, — зарычал с другого конца стола Пан, предводитель фавнов. — Мы не можем спустить им это с рук.

— Они должны иметь возможность защититься в суде, — ответила Элизьен жестким голосом, опустив взгляд на фавна, который спустя некоторое время отвел глаза. Из его горла донесся злой рык, но Элизьен проигнорировала угрозу. Отношения

эльфов и фавнов всегда были натянутыми. Их перемирие было шатким, и все это знали.

— Позвольте нам провести первичное голосование, чтобы узнать, кто выступает за наказание шелликотов, а кто против, — попытался прервать становящийся все громче гул голосов Мерлин.

Красные и зеленые карточки взмыли вверх. Маленькие мерцающие феи собрали их в корзинки. Одна из фей прошептала Майрону на ухо результаты голосования.

— Половина присутствующих проголосовала за то, чтобы судить шелликотов в их отсутствие, другая половина выступила против. Воздержавшихся немало. Я предлагаю нам разъехаться по домам, чтобы каждый из народов решил этот вопрос для себя. Мы должны прийти к единогласному мнению. После этого мы вынесем приговор и сообщим его вам. Для всех он будет обязателен к исполнению. Я прошу вас, подходите к этому делу с умом.

Майрон замолчал, а присутствующие по очереди поднялись и покинули зал. Через месяц все соберутся на этом же месте и, как все надеются, вынесут справедливый приговор. Мерлин и Майрон с беспокойством посмотрели друг на друга.

— Я чувствую враждебность, — вмешалась Элизьен в их немой диалог. — Фавны и оборотни желают вступить в конфликт с шелликотами.

— Будем надеяться, что нам удастся их образумить, — обратился к ней Майрон.

Они втроем покинули зал и разошлись по своим комнатам, чтобы собрать вещи и отправиться в путь.